

Александрова В. Чехов, <sis!> как литературный критик // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1950. 25 июня. № 13939. С. 8.

Чехов, как литературный критик

В связи с исполнившимся в 1944 году сорокалетием со дня смерти Чехова в Советской России было предпринято новое издание полного собрания его сочинений. Пока вышло 18 томов; в последних четырех, появившихся в прошлом году, впервые опубликована вся коллекция — 31 письмо — к Л. А. Авилловой, автору воспоминаний «Чехов в моей жизни», недавно вышедших и по-английски (см. «Н. Р. С.» от 18-го июня).

Письма художников и писателей издавна служат источником для выяснения их творческой и личной биографии. Однако, письма почти всех крупных мастеров слова, в том числе и Чехова, имеют еще одну самодовлеющую ценность. Чем значительнее писатель, тем большее место в его переписке занимают высказывания об искусстве и, в частности, о литературе. Речь идет не только о произведениях известных современников, немало внимания уделяется в ней начинающим товарищам по перу.

Чехов любил подчеркивать, что он «плохой критик», но иногда, как в письме к драматургу Гославскому (23 марта 1892 г.), он тут же добавляет, что критик-то он, может быть, и хороший, он только не умеет свои критические замечания «излагать на бумаге». Действительно, вместо «изложения» Чехов почти всегда прибегает к живому образу, или к ландшафту. Так, в упомянутом письме к Гославскому, хваля его пьесу «Солдатка», Чехов так объясняет почему Кирилл, один из главных действующих персонажей, не должен быть злодеем: «Парни, которых любят бабы, народ по преимуществу не злой и душевно ленивый, мягкий и не рассудительный, как сами бабы, — в этом их обаятельная сторона... Несчастную и сердцем тоскующую, забитую свекром и жизнью бабу наглостью и фантасичностью не проймешь...».

Критикуя какую-то повесть А. С. Суворина (в письме к ее автору от 6-го июля 1892 г.), Чехов писал: «повесть похожа на гладкую живописную дорожку, которая в двадцати местах прерывается туннелями. От старой постройки уцелел одинюкий столб — Наташа; затем новый, но брошенный столб — ростовщица-помещица. Затем глубокий овраг, который Вы заполнили...».

В свою литературную работу в газете, Чехов считал, что писатель должен «пройти все ступени, прежде чем стать литературной графиней». Эту мысль в письме к начинающей писательнице Шавровой он по обыкновению облачает в образ: «Не стыдитесь быть титулярной советницей в салоне, пьющей по утрам вместо кофе — кофейную гущу. Бейте ворону-сороку, добьетесь до бела лебедя».

В своих воспоминаниях Авиллова процитировала не все письма Чехова к ней, а некоторые привела в сокращенном виде, опустив ценные детали. В ее воспоминаниях нет, в частности, первого письма от 21 февраля 1892 г., в котором Чехов критикует первые литературные опыты своей корреспондентки. Речь идет об одном рассказе, который мне не удалось найти; в нем Чехов предлагал произвести ряд перделок и заканчивал его таким замечанием: «Ваши герои как-то ужасно спешат. Выкиньте слова «идеал» и «порыв». Ну их! Когда критикуешь, то чувствуешь себя генералом».

Эти замечания показались Авилловой слишком строгими, и она написала об этом Чехову. В ответ на это, в письме от 3 марта 1892 г., Чехов пишет: «Рассказ Ваш, повторяю, очень хорош и, кажется, я ни одним словом не заикнулся о «коренных» поправках. Нужно только студента заменить каким-нибудь другим чином, потому что, во-первых, не следует поддерживать в публике заблуждение, будто идеи составляют привилегию только рекуна Чехова за его героев;

студентов и бедствующих репетиторов, и, во-вторых, теперешний читатель не верит студенту, потому что видит в нем не героя, а мальчика, которому нужно учиться». Очень характерно в том же письме и замечание относительно героини: «...оставьте Дуню, но утрите ей слезы и велите ей поуподобиться. Пусть это будет самостоятельная и взрослая женщина, которой поверил бы читатель. Нынче, сударыня, плаксам не верят. Женщины-плаксы к тому же деспотки».

В том же 1892 году Авиллова прислала Чехову маленький рассказ «В дороге». Он понравился писателю, но он заметил в нем характерную для многих вещей Авилловой «жалостливость»: «Когда изображаете го ремык и бесталанных и хотите разжалобить читателя, то старайтесь быть холоднее — это дает чужому горю как бы фон, на котором оно вырисовывается рельефнее. А то у Вас и герои плачут, и Вы вздыхаете. Да, будьте холоднее».

Писательница и в этом случае не совсем верно поняла совет, что видно из Чеховского ответа от 29 апреля: «Над рассказами можно и плакать, и стенать, можно страдать заодно со своими героями, но, полагаю, нужно это делать так, чтобы читатель не заметил. Чем объективнее, тем сильнее выходит впечатление. Вот что я хотел сказать».

Чехов, вероятно, с самого начала почувствовал, что дарование у Авилловой маленькое, но ему хотелось подбодрить начинающую писательницу, в которой его привлекала искренность и то, что В. А. Гольцев, редактор «Русской Мысли» называл «симпатичным талантом». Это можно почувствовать из письма Чехова в связи с присылкой Авилловой ее рассказа «Власть». Сюжет рассказа несложен: Андрей Дмитриевич, земский начальник и помещик, боясь воров и пожара, перед сном обходит дом и двор. Вдруг в темноте ему почудились чьи-то крадущиеся шаги. Он громко спросил кто идет, но человек, вынырнувший из темноты, молчал. Только вглядевшись в него, Андрей Дмитриевич узнал в нем мужика Трофима. Трофим молчал от неловкости: он искал жену Пашку, подозревая, что она сбежала от него и хотел «накрыть» ее. Оправившись от испуга, помещик начинает журить мужика: «Эх ты! Срамник! Борода у тебя седая, а молодую жену удержат не сумею. Власть в тебе настоящей нет. Поучил бы ее разок другой, знала бы, как бегать!» — «Как не учить! Известное дело — баба. Учил!» — уныло отвечает Трофим. На следующий вечер история повторяется, и помещик вновь внушает Трофиму, что бабу учить надо, показать ей «власть». Трофим покорно поддакивает барину, но, оставшись один, жалобно говорит в темноту: «Пашка, а Пашка, ну ее к Богу эту самую власть! Бей меня, сама бей!».

В письме от 15 февраля 1895 года Чехов писал Авилловой: «Власть» — милый рассказ, но будет лучше, если Вы изобразите не земского начальника, а просто помещика». Вообще Чехов считал, что у Авилловой есть своя тема, но развить ее можно было бы в большой вещи и уговаривал ее засесть за роман: «Пишите роман. Пишите роман целый год, потом пол года сокращайте его, а потом печатайте. Вы мало отделяете, писательница же должна не писать, а вышивать на бумаге, чтобы труд был кропотливым, медлительным. Простите за мои наставления. Иногда приходит желание напустить на себя важность и прочесть нотацию».

Только однажды коснулся Чехов и своего собственного творчества. Это письмо написано из Ниццы, 6 октября 1897 года. Заграницу Чехов поехал тогда по совету врачей после сильного кровохарканья весной. Авиллова, повидимому, упрекнула Чехова за его героев;

отвечая ей, он писал: «Вы сетуете, что герои мои мрачны. Увы, не моя в том вина! У меня выходит это невольно, и когда я пишу, то мне не кажется, что я пишу мрачно; во всяком случае, работая я всегда бываю в хорошем настроении. Замечено, что мрачные люди, меланхолики пишут всегда весело, а жизнерадостные своими писаниями нагоняют тоску. А я человек жизнерадостный; по крайней мере первые тридцать лет своей жизни прожил, как говорится, в свое удовольствие»...

В заключение хочется познакомить читателей с двумя отрывками из писем 1899 года, которые опущены в воспоминаниях. Переписка с Авилловой, прерванная в 1897 году на два года, возобновилась в 1899 году, когда в связи с продажей полного собрания сочинений издательству А. Ф. Маркс Чехов попросил Авиллову разыскать в «Петербургской Газете» его первые рассказы. В одном из своих писем Авиллова сообщила, что ее муж купил имение в Тульской губернии. В ответ на это Чехов написал: «Знакомы ли Вы с

Л. Н. Толстым? Далеко ли Ваше имя будет от Толстого? Если близко, то я Вам завидую. Толстого я люблю очень. Говоря о новых писателях, Вы в одну кучу свалили и Мельшину (И. Ф. Якубовича). Это не так. Мельшин стоит особняком, это большой, неопределенный писатель, умный, сильный писатель, хотя, быть может, и не напишет больше того, что уже написал... Горький мне нравится, но в последнее время он стал писать чепуху, чепуху возмутительную, так что я скоро брошу его читать... Короленко — чудесный писатель. Его любят — и недаром. Кроме всего прочего, в нем есть трезвость и чистота...».

В письме от 23 марта того же года Чехов вновь возвращается к Толстому и Горькому: «Я Толстого знаю, кажется, хорошо знаю, и понимаю каждое движение его бровей. Но все же я люблю его. В Ялте Горький. По внешности это босяк, но внутри это довольно изящный человек — и я очень рад. Хочу знакомить его с женщинами, находя это полезным для него, но он топорщится».

Изучение эпистолярного вклада в художественную критику таких мастеров слова, как Чехов — одна из тех литературоведческих задач, которая еще ждет своего разрешения...
В. Александрова.